

Свидание с Детективом

ОЛЬГА БАСКОВА

РАБ ВСЕХ
МОИХ
ЖЕЛАНИЙ

Ольга Баскова

Раб всех моих желаний

«ЭКСМО»

2012

Баскова О.

Раб всех моих желаний / О. Баскова — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-58655-4

Мечты бывают опасны, особенно когда они вдруг начинают осуществляться... Журналист Владимир Гоголев работает в издательстве у своего друга, Арсена Авдоляна, и мечтает стать настоящим писателем. Но увы – похоже, у Гоголева нет таланта. Арсен забраковывает его роман, а ведь Владимир писал его с такой верой в успех. Одна-единственная случайная встреча дарит ему шанс воплотить все свои надежды – на курорте Владимир знакомится с Дианой Красовской. Удивительно, но Диана, оказывается, тоже недавно написала роман! Мало того, это настоящий шедевр! Гоголев спешит на встречу с Дианой. Она должна узнать – впереди у нее небывалая слава! Но тут происходит страшное: Диана погибла. Ее убили или она сама случайно сорвалась с обрыва? И что теперь будет с ее рукописью? Самому Гоголеву ничего подобного в жизни не написать. А если...

ISBN 978-5-699-58655-4

© Баскова О., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Баскова

Раб всех моих желаний

Глава 1

В один из жарких дней, которые часто случаются в начале июня на черноморском побережье, в кабинете заместителя главного редактора издательства «Успех» Владимира Гоголева, высокого, видного темноволосого мужчины с тонкими чертами мужественного лица, проходил серьезный разговор между ним и младшим редактором, невзрачной худенькой Галочкой Сомовой, остренькой мордочкой напоминавшей лисичку. Сочный баритон Гоголева гремел, вырываясь из плотно прикрытой двери в узкий коридор. И если бы не конец рабочего дня, происходящим непременно заинтересовались бы редакционные кумушки. Заместитель главного редактора извергал громы и молнии, девушка плакала, и ее градом катившиеся слезы падали на блокнот в черной клеенчатой обложке.

– Ну, это, право, никуда не годится! – орал Владимир, искоса поглядывая на собеседницу. – Ты могла бы все предотвратить, и не было бы сейчас этого неприятного момента!

Галочка словно очнулась и подняла на него заплаканные глаза.

– Это ты называешь неприятным моментом? То, что я беременна твоим ребенком?

Его покорило. Владимир терпеть не мог сентиментальных сцен, в причастности которых к тому же его пытались обвинить, а он виновным себя не считал.

– Конечно! Разве я обещал тебе что-нибудь?

Она замялась:

– Мы не разговаривали на подобные темы.

Мужчина больно дернул ее за худое плечо.

– Нет, дорогая! Разговаривали. Когда ты легла ко мне в постель, я предупредил, что не собираюсь связывать себя брачными узами. Не помнишь?

Она покачала головой:

– Нет.

Заместитель главного редактора саркастически расхохотался:

– Где уж тебе! У вас на уме только одно!

Ее бледные щеки вспыхнули.

– А когда ты пытался затащить меня в постель в течение месяца и старался упорно сломить мое сопротивление, – как мы назовем это?

Его губы скривились.

– Ну, это не одно и то же. Мужчине нужно постоянно подогревать свой инстинкт охотника.

Она всплеснула руками:

– Значит, всего-навсего инстинкт! Но от него появляются дети.

– Такое случается, когда женщина глупа, – парировал он.

– А ты, конечно, принц на белом коне?

Владимир мельком взглянул на большие настенные часы. Стрелки приближались к семи. Оставалось всего полчаса до свидания с хорошенькой шатенкой, которую он заарканил на набережной. Если не решить проблему как можно быстрее, птичка ускользнет. Он усилием воли разгладил суровые складки на лбу и сел на стул:

– Что же ты предлагаешь?

– А ты?

– Разве еще не понятно? Я дам тебе денег, и ты сделаешь аборт.

Слезы снова покатались из глаз девушки.

– Я была у врача. Он сказал: больше я могу никогда в жизни не забеременеть! Ты понимаешь, что это значит для женщины – никогда не стать матерью? Это уже не женщина, а какой-то пустоцвет! Нет, я решила рожать.

Владимир согласился:

– Ладно, а что потом?

Галя вдруг порывисто вскочила и кинулась к нему. Она упала на колени и обняла его ноги:

– Володенька, миленький! Ну сделай, как я тебя прошу! Я знаю: ты меня не любишь! Женись на мне фиктивно, я и жить буду отдельно. Только не губи нашего ребеночка и дай ему свое имя!

Он оттолкнул ее, не рассчитав силы, и девушка упала на засыпанный пеплом ковер.

– С ума сошла!

– Ну почему ты не хочешь мне помочь?

– Потому что... – Владимир запнулся, – я еще нетвердо стою на ногах, потому что я молод и не хочу обременять себя семьей, потому что, в конце концов, я тебя не люблю.

Галя продолжала ползать по грязному ковру.

– Узаконь ребенка – и ты меня никогда не увидишь! Мне нельзя делать аборт!

– Но есть и другие способы.

Выпалив это, Владимир вспомнил одну историю. Школьником он часто приезжал в деревню к бабушке и был прекрасно знаком с ее соседкой, тетей Глашей, и ее мужем, дядей Семеном. Их дочь Маринка заканчивала школу, когда ему шел пятнадцатый год, и родители не могли налюбоваться на свою красавицу. А Маринка и впрямь была хороша. Натуральная блондинка, высокая, стройная, как статуэтка, с огромными, небесного цвета глазами, она гордой походкой шествовала по совершенно неподходящим для нее немощным деревенским дорогам. Вокруг этой красотки всегда крутились парни. Марина же не устаивала их вниманием. Тетя Глаша объясняла причины такого поведения дочери:

– Мариночка уедет из нашей глуши и поступит в городе в университет. На ее учебу мы не пожалеем никаких денег.

Им верили: чего не сделаешь ради единственной дочери! В том году Владимир приехал к бабушке, как всегда, в начале июня. Соседка сдавала выпускные экзамены в школе, но он не замечал, чтобы она часами сидела за учебником. Вернее, кое-что он за ней замечал, но вовсе не радение к учебе. Тем летом июнь выдался жарким, и мальчик спал на веранде. Из-за огромных комаров ему не сразу удавалось погрузиться в сон. Владимир увидел, как открывалась калитка соседнего дома, и Маринка, крадучись, выскользнула из сада.

– Привет, красавица, – послышался грубый мужской голос, и паренек понял: ее поджидает деревенский тракторист, пьяница и дебошир Михаил. Владимир быстро подбежал к забору, чтобы убедиться: слух его не обманул. Даже в самых кошмарных снах ребенок не мог представить их вместе. Утонченная, необыкновенно привлекательная Марина – и сутулый, черный, как цыган, тридцатилетний Михаил, по самую шею заросший жесткими волосами. Он слыл в деревне заядлым матерщинником. О чем же говорили два настолько разных человека?

А о чем они говорили – бабушка рассказала его матери. Осенью она приехала в город, как всегда, привезя полные сумки овощей и фруктов.

– Беда у соседей. Маринку помнишь?

– Как не помнить, – откликнулась мать.

– Спуталась она с Мишкой, забеременела от него, дура, и побоялась сказать своим.

Мать не удивилась:

– Тетя Глаша ее убила бы.

– Вот это еще как сказать, – возразила старушка. – А так Маринка сама себя почти убила.

Дочь вздрогнула:

– Как?

– Кинулась она к Мишке: женись, мол, давай ребеночка узаконим, а тот – в кусты. Попер девку вон да еще и совет бесовский дал: «Я, дескать, знаю одно народное средство. Выпей уксусной кислоты – выкидыви и произойдет. И матери можно не говорить».

– И она послушалась?!

– Послушалась, – тихо ответила бабушка. – Спряталась в туалете и от души хлебнула уксусной эссенции. Утром Семен нашел ее почти без дыхания. Все внутренности сожгла девка.

– А ребенок?

Старушка горько усмехнулась:

– В больнице ее от него и освободили. Все лето Маринка там и провалялась. Ну, в школе ее пожалели и экзамены на дому приняли, а вот на дальнейшей учебе дочка соседи поставили крест.

Мать слушала и яростно вытирала тарелку.

– Жить-то будет?

– Наша докторша говорит: пока прогноз неопределенный. Лучше в ноябре ее в область отвезти и там операцию сделать.

– Значит, сейчас девушка дома?

Бабка вздохнула:

– А где же ей еще быть?

– И как она?

– Краше в гроб кладут.

Владимир помнил: он тогда проникся судьбой несчастной девушки и с нетерпением ждал бабушкиного приезда, чтобы вновь услышать о ней. И однажды его поразили неприятным известием:

– Померла Маринка. Прямо на операционном столе и отмучилась, бедняжка.

Когда эта страшная история возникла в его памяти, он тут же осекся и погладил Галю по волосам.

– Не слушай меня. Ничего не предпринимай сама. Иди к врачу. Я дам денег, сколько потребуется.

Она резко поднялась с колен. Ее лицо пылало.

– Это твое последнее слово?

– Да.

Девушка потянулась за своей сумочкой.

– Тогда прощай! Что ж, желаю тебе счастья.

– И тебе. Звони, если понадобится помощь.

Она бросила на него взгляд искоса, и этот взгляд был страшен.

– Не беспокойся. Не позвоню.

– Как хочешь.

Владимир отвернулся, чтобы не видеть, как бывшая любовница покидает его кабинет. Он скверно себя чувствовал. Наверное, так чувствует себя последний подонок, у которого когда-то имелась совесть. Мужчина попытался бросить ей кость, как голодной собаке, сказав себе:

– Галя – взрослая девочка. Она найдет выход.

Он снова поднял глаза на часы. Шатенка Лариса, наверное, уже торопилась на место встречи. Заместитель главного редактора тоже стал собираться. Благо от издательства до набережной рукой подать.

Глава 2

Красавица Лариса действительно в одиночестве стояла у парапета, глядя на темную воду, кое-где окрашенную радужными мазутными пятнами. Владимир неслышно подкрался сзади и обнял девушку.

– А вот и я!

Она вздрогнула:

– Уже не ждала!

– Почему? Я опоздал-то всего на десять минут!

– Порядочные мужчины не опаздывают.

Владимир расхохотался:

– Я – деловой мужчина. На конец рабочего дня шеф запланировал маленькое совещание, растянувшееся на два часа. Это меня оправдывает?

– Немножко.

– Отлично. Куда пойдем?

– В «Дары моря»

«А у девочки губа не дура, – усмехнулся мужчина. – Первый раз встретились – и она меня сразу раскручивает на приличную сумму».

Этот ресторан находился в потрясающе красивом месте – на вершине небольшой скалы. Его хозяин, богатый татарин Махмуд, создал в Черноморске кулинарный и архитектурный шедевр. Где и каких он выписал строителей – никто не распространялся, однако в весьма короткие сроки они соорудили чудо – небольшую копию «Ласточкиного гнезда». Отсюда открывался поразительный вид на открытое море. Кормили здесь тоже потрясающе, однако дорого. Богатые и знаменитые считали: это стоит того, и являлись завсегдатаями заведения. Владимир же не мог похвастаться большой зарплатой и с тревогой ждал, когда им принесут меню. Его принесли довольно скоро. В таких заведениях не принято тянуть. Лариса вырвала прејскурант из рук официанта в ослепительно белой рубашке.

– Значит, так...

Она даже не поинтересовалась, какой суммой располагает ее кавалер, и это не понравилось заместителю главного редактора. Нарощенный ноготь с красивой росписью скользил по листку.

– Хочу это и это!

Официант стоял в сторонке, наблюдая за девушкой. У Гоголева мелькнуло неприятное чувство: она здесь не первый раз, и этот молокосос знает ее привычки и вкусы. Сколько мужиков побывало здесь с его спутницей?

Лариса оторвала Владимира от мрачных мыслей:

– А ты-то будешь есть?

– Конечно.

– Тогда выбирай да не задерживайся. Я ужасно проголодалась.

Она щелкнула пальцами, и парень подбежал к их столику. Щелчок показался Гоголеву профессиональным. От его чуткого уха не ускользнуло тихо сказанное официантом:

– Спиртное – как всегда?

Значит, чутье его не подвело. Лариса не раз тусовалась в этом дорогом заведении.

– Почему ты ничего не заказываешь? – осведомилась она.

– Интересно, на какую сумму заказала ты.

– Это не секрет. – Парень быстро сосчитал на калькуляторе и объявил такие цифры, что у Гоголева пересохло во рту. Пожалуй, ей ужин он оплатит, однако сам уйдет несолоно хлебавши.

– Принесите мне кофе.

– Просто кофе – и все?

– Просто кофе, – он начинал закипать. Галя никогда не тащила его в дорожные забега-ловки. И вообще, она заботилась о его бюджете. А эта...

Стол был накрыт через пару минут. Лариса накинулась на закуски – салат из морепродук-тов, причмокивая и нахваливая блюдо, а Гоголев глотал слюну. Между сменой блюд офици-ант вежливо спросил, сейчас ли подавать кофе, и Владимир кивнул. Ему шутя удалось отнять у девушки кусок белой хрустящей булочки, и мужчина с наслаждением жевал ее. Это только раздражило его аппетит. А Лариса, словно издеваясь, со вкусом поела горячее и жадно смотрела на десерт.

«Скорее бы все кончилось», – вертелось в голове заместителя главного редактора. Он уже не представлял, что они будут делать дальше. Вести ее к себе домой не хотелось, не хотелось даже просить ее об этом, потому что мужчина знал: эта – пойдет. Наконец Лариса допила коктейль и откинулась на спинку стула:

– Ох, как я наелась!

Он выдавил из себя улыбку:

– Прекрасно. Пойдем?

Прибавив к указанной сумме стоимость кофе, мужчина положил на поднос несколько бумажек. В этот раз он впервые оставил официанта без чаевых. Ну и черт с ним! Пусть ска-жет спасибо его даме! Впрочем, если она местный завсегдатай, то еще не раз раскрутит здесь какого-нибудь простака.

Они спустились с выложенных разноцветной плиткой ступенек. Девушка не предложила пойти на площадку, чтобы полюбоваться закатом, и Гоголев тоже промолчал. Стоял теплый летний вечер, воздух был напоен ароматом кипарисов и можжевельника. Его спутница вдруг поежилась:

– Прохладно.

– Разве? А я-то порадовался, что не взял пиджак.

– Может, ты любишь прохладу, а я такая мерзлячка, – при этом Лариса бросила на него удивленный взгляд. Владимир понял: это был намек. Девушка настаивала на продолжении зна-комства.

– Ты живешь один?

– Почему ты спрашиваешь?

Она хихикнула:

– Вдруг ты женат?

– А для тебя есть разница?

– Разумеется, – спутница прильнула к нему. – Тогда слушаю ваши предложения.

С его губ сорвалось, словно само собой:

– Пойдем ко мне.

Интерес к этой девушке у него постепенно проходил. Гоголев надеялся: она возмутится и откажет. Но мужчина ошибался.

– Пойдем. Далеко?

– Нет, мой дом можно увидеть уже отсюда.

Гоголев снимал однокомнатную квартиру в старом двухэтажном доме на набережной. Из окна кухни открывался потрясающий вид на бухту и скалы, окна комнаты выходили на гору, поросшую крымским лесом, в любую погоду выглядевшим свежо и празднично. Маленькие сосны с кривыми стволами, не похожие на сибирские красавицы, скромно жмутся друг к другу на фоне яркой молодой зелени весной и летом, а потом, когда она опадает, они будто высве-чиваются в сумраке. Осенью обилие красок порадовало бы глаз любого художника. В этих стенах Владимир отдыхал душой и телом, любуясь тем, чем не устаешь любоваться никогда.

Вот почему купить это жилье было его самой заветной мечтой. И она могла сбыться, сбыться хоть сегодня, если бы у него набралась достаточная сумма. Хозяйка квартиры, Наталья Григорьевна, практически переехала к сыну – предпринимателю, имеющему три дома, и все – на побережье, один краше другого. Она была готова продать жилье Володе, напоминавшему ей ее младшего сына, служившего на Дальнем Востоке и редко видевшегося с матерью, и они заключили с Гоголевым устное соглашение.

– Я никому не продам квартиру, кроме тебя, – заверила его Наталья Григорьевна. – Мне не к спеху. И деньги пока что мне не нужны. А ты копи. Когда деньги появятся, тогда и отдашь. Только, разумеется, не затягивай! Младшенькому до демобилизации осталась пара лет, вот я и хочу присмотреть ему что-нибудь. Правда, он сам еще не решил, где будет жить, но денежки лишние не помешают.

С этого дня Владимир медленно, но верно собирал на жилье. Сегодняшний ужин ударил по его накоплениям артиллерийским снарядом.

– Ты живешь в этом доме? – Лариса критически осмотрела старый сталинский особнячок.

– Тебе не нравится?

Она замолчала. Он открыл деревянную, давно крашенную коричневую дверь.

– Проходи.

– Это твоя хата?

– Я ее снимаю, поэтому евроремонта не жди.

– А свою имеешь?

– Я приезжий. А ты?

Лариса замялась:

– Говорят, в женщине должна быть загадка. Меньше будешь знать – спокойней будешь спать. – Девушка быстро скинула босоножки, и Володю замутило при виде ее грязных пяток. – Кстати, о спальне. Где у нас кровать?

– Мы не выпьем чаю?

Он поражался сам себе. Ведь, как маленький мальчик, он до последнего надеялся, что она откажется от постели. Однако Лариса уже раздевалась, с профессиональными ужимками.

– Иди ко мне!

Брезгливость к случайной спутнице переполнила всю его душу. Гоголев больше не мог выносить ее присутствие. К черту все правила приличия, иначе он рискует подцепить венерическую болезнь! Опять ему невольно вспомнилась Галя. Как она сопротивлялась более близким отношениям и как бережно хранила свою девственность!

– Ты не ответила, где живешь, – обратился мужчина к госте. – Если далеко, я дам тебе денег на такси.

– Не поняла... Завтра суббота. Ты сказал, у тебя выходной.

– Это прощание, Лариса.

Ее лицо исказилось и как-то сразу постарело. Владимир удивился, как он мог счесть ее привлекательной. Очарование исчезло. Перед ним стояла немолодая, повидавшая виды женщина.

– Ты импотент?

– А ты – проститутка?

Она грязно выругалась. Гоголев швырнул ей на руки ее одежду и потащил девушку в прихожую.

– Две минуты – и чтобы тебя здесь не было!

Владимир сильно хлопнул дверью, давая ей понять: дальнейший разговор не состоится. Дама еще долго бранилась, прежде чем хлопнуть дверью подъезда в ответ.

Глава 3

Владимир долго не мог заснуть, ворочался в постели. Он слышал, как прошелестел короткий летний дождь, возвещая о том, что завтра погода будет еще жарче. Мысли крутились в его голове и постоянно напоминали о Галине и недавнем неприятном инциденте с Ларисой. Мужчина старался прогнать их, как назойливых мух, называемых осенними жигалками, которые досаждают людям в конце лета и начале осени. Они очень верткие, казалось, видят то, что происходит сзади, третьим глазом, и поэтому их трудно убить. Вот и его мысли походили на этих противных насекомых. Наконец ему удалось уснуть, однако ни свет ни заря он вскочил на ноги и принялся бесцельно бродить по комнате, потом взял пульт телевизора и стал переключать каналы. Одна передача привлекла его внимание. В общем речь шла о молодых папах и мамах, многим из которых едва исполнилось четырнадцать лет. Немолодая врач с усталыми глазами просила родителей как можно раньше знакомить своих деток с противозачаточными средствами.

– Аборт – далеко не безобидное средство, – вещала она. – Это травма для организма и психики. К тому же девушка рискует остаться бездетной. А еще – это убийство!

Последняя фраза докторши привела Владимира в оцепенение. Как завороченный, он припал к экрану, на котором разворачивалось действие фильма об абортах. Камера равнодушно фиксировала мучения и борьбу за жизнь маленького человечка. Холодный пот выступил на его загорелых щеках. Возможно, это ожидало его сына или дочку! Галю, если она действительно решилась на убийство ребенка, следовало остановить, и чем скорее, тем лучше. Гоголев бросился в коридор и схватил борсетку с мобильным телефоном. Его дрожащие пальцы набрали Галин номер. Хладнокровный голос возвестил, что абонент недоступен.

– Черт! – Мужчина кинул мобильник на диван и обхватил руками голову.

Дело в том, что бывшая девушка тоже снимала жилье, однако никогда не приводила туда Гоголева. Ее зарплаты не хватало на однокомнатную квартиру, и Галя скромно ютилась во времянке, помогая сварливой пожилой хозяйке частного дома убирать во дворе и кормить птицу. Сколько в этом городке частных домов? За выходные он не управится. Мужчина удивлялся сам себе. Галя была нужна ему как женщина, правильнее сказать – как сексуальный партнер, но не как человек, и поэтому ему и в голову не приходило поинтересоваться, на какой улице она обитает. Какое равнодушие! Как ей должно быть больно! Гоголев стонал и ломал пальцы. Хотя в понедельник они обязательно должны будут увидеться на работе, заместитель главного редактора решил поспешить: вдруг его бывшая любовница жаждет избавиться от никому не нужного ребенка! И тогда она найдет способ. Боже, как остановить ее? Внезапно Владимир хлопнул в ладоши.

– Как же я сразу не догадался!

Адрес Галины наверняка имел директор и главный редактор издательства, его друг, Арсен Авдолян. Минута – и Владимир набрал номер Арсена. Но и тот, по закону подлости, находился вне зоны доступа. Заместитель вспомнил: каждые выходные редактор с семьей совершает путешествия в отдаленные уголки Крыма. Этим и объяснялось отсутствие связи. Гоголев лег на диван и снова уставился на экран. Он не вдумывался в содержание передач – просто лежал, погруженный в свои мысли. Вечером заместитель главного редактора почувствовал голод и встал, чтобы приготовить ужин. Владимир соорудил огромный бутерброд с копченой колбасой и сыром, украшенный перышком укропа, но, едва надкусив его, понял: ему не проглотить и кусочка. Он решительно отодвинул стакан с крепким чаем и возвратился в комнату, на диван, с ужасом думая о том, как проведет воскресенье. Ничего не хотелось делать. Раньше Гоголев уходил в горы или на пустынные пляжи, один или вместе с Галей. Вообще мужчина

предпочитал одиночество, однако девушка не мешала ему. Она никогда никому не мешала. И сейчас не хотела мешать...

Чтобы не мучиться кошмарами, Владимир проглотил пару таблеток снотворного, оставленного хозяйкой, и погрузился в сон. Лекарство помогло, и до утра мужчина не маялся, как вчера, и не считал трещины на плохо побеленном потолке. Встав утром, он приготовил завтрак, принял душ и начал одеваться. Арсен явится только к вечеру, но заместитель не имел права ждать. Посмотрев на себя в зеркало, Владимир ужаснулся. Да, тот еще видок: бессонная позавчерашняя ночь и непроходящее беспокойство оставили на его лице свои отметины. Лихорадочно горели красные воспаленные глаза, окаймленные черными полукружьями, бледные щеки ввалились. Темные очки не внесли заметных улучшений в его внешность. Гоголев вышел на улицу, отметив про себя: стало еще жарче. Хорошо, что он догадался захватить плавки. Мужчина уже решил, куда он поедет: в парк Героев. По его аллеям они любили бродить с Галей. Может, она сейчас дышит свежим морским воздухом – без него? Вскинув на плечо спортивную сумку, Владимир быстрым шагом направился к остановке. Нужную маршрутку не пришлось долго ждать, и белый микроавтобус, в салоне которого остро пахло потом, смешанным с дезодорантами и духами, понес его на окраину города.

* * *

Как только судьба занесла его в этот приморский городок, Гоголев сразу облюбовал парк Героев для воскресного времяпрепровождения. Он не раз мысленно говорил «спасибо» строителям и архитекторам, создавшим это чудо. На окраине курортного города, но не на самом отшибе (многоэтажки высились еще на многие километры вдаль) появился уголок Южного берега – с можжевельновыми и сосновыми лесопосадками, самшитовыми и кипарисовыми аллеями, с укромными скамеечками, скрытыми от любопытных глаз, где влюбленные могли нашептывать друг другу ласковые слова. Для любителей цивилизации проложили широкую дорогу, выложенную большими плитами, по обе стороны которой посадили платаны, в народе называемые «Бесстыдницами». Их толстые ветви с широкими зелеными узорчатыми листьями служили идеальной защитой от жары. Собственно, как эта дорога, так и другие, вольно протоптанные отдыхающими тропинки вели к морю – галечному пляжу с чистой водой, простиравшемуся на не охватываемое глазом пространство. В прошлом году Галя и Владимир заметили чудный уголок – маленькую сказочную полянку среди кривоствольных крымских сосен. От нее было рукой подать до воды. И сейчас мужчина торопился на знакомое место. Девушка могла быть там. Как он об этом мечтал!

– Лишь бы никто другой не покусился на наше место, – бормотал Гоголев, проходя по кипарисовой аллее.

Целебный воздух ласково щекотал ноздри. Кипарисы горделиво охраняли покой чудного уголка. Сквозь зеленую листву диких слив и яблонь уже проглядывали маленькие плоды. Успокаивающе щебетали птицы. Ничто в природе, казалось, не предвещало никакой трагедии, и от этого становилось легче на душе. Увидев верхушки знакомых сосен, он ускорил шаг. А вот и знакомая поляна. Нет, сегодня ее никто посторонний не занял, однако и девушки здесь не было. Несмятая, немного пожухлая от ранней жары трава говорила: сюда пока еще никто не приходил. Почему-то мужчина решил подождать. Открыв молнию на сумке, он расстелил покрывало и лег, подставив солнцу бледную спину. Когда жара стала нестерпимой, он встал и направился к морю. Несмотря на начало июня, вода нагрелась уже до двадцати градусов, и у берега всюду плескались малыши. Владимир вошел в воду по пояс, оттолкнулся от дна и поплыл, поставив целью довести себя до изнеможения. Ему казалось: так быстрее пройдет время. Наступит вечер. Галя, скорее всего, придет сюда вечером. Ей в ее положении нельзя гулять по жаре. Если, конечно, она не изменила своего ужасного намерения. Поплавав с пол-

часа, от души поныряв и изучив дно, он прогнал стайку ставриды с серебристыми брюшками, спугнул огромного краба, прятавшегося среди камней, заросших морской травой, и вернулся на полянку. Подстилка нагрелась, и он с наслаждением упал на нее. Солнечные лучи ласкали его тело. Море убаюкивающе шуршало галькой. Гоголев не заметил, как задремал, и проснулся, лишь когда нестерпимая жара уступала место предвечернему мягкому зною. Он сел и огляделся по сторонам. Никто не собирался тревожить его покой, в том числе и человек, появления которого он ждал больше всего. И, по-видимому, напрасно. Галя и не думала приходить сюда. Он еще раз искупался, чтобы не терять бодрости, собрал вещи и поплелся на остановку, с ужасом думая, что станет делать вечером. Опять стаи неотступных мыслей, бессмысленное щелканье пультом и лежание на диване... Чтобы отсрочить вариант подобного времяпрепровождения, он прошел пешком три остановки, а потом сел в троллейбус, отнюдь не спешивший довезти пассажиров со скоростью маршрутки. Однако и этот вид транспорта все же в конце концов доехал до дома Владимира. Уже смеркалось, когда мужчина открыл дверь и нехотя вошел в квартиру.

– Завтра, значит, все завтра, – успокаивал он сам себя.

Завтра Галя непременно появится на работе. Они поговорят, и все встанет на свои места. Он не женится на ней, однако даст ребенку свое имя. Это должно ей понравиться. Только не аборт! Только не страшное убийство!

Зачирикал мобильный. Мелодия, имитировавшая щебетание птиц, была присвоена Арсену. Наверное, потому, что его друг любил пернатых. Владимир задрожал от радости. Авдолян увидел его звонок на дисплее и поспешил перезвонить.

– Привет, Арсен!

– Слушаю тебя, дорогой, – с восточным акцентом отозвался друг.

– Приятель, мне позарез нужен адрес Гали Сомовой, – баритон Владимира от волнения сорвался на фальцет.

– Зачем? – У армянина была дурная привычка: он всегда хотел быть в курсе всего. – Ты разве сам его не знаешь?

– Нет.

– Вы же с ней... – Авдолян осекся. И для него тоже существовали правила приличия.

– Я никогда не приходил к ней, – пояснил Гоголев. – В прошлый раз она забыла у меня очень важную вещь. Я бы хотел вернуть.

Арсен хмыкнул:

– Только не говори, что не знаешь ее телефона!

– Она недоступна.

Друг не удивился:

– А вот это вполне возможно. Она уехала.

Липкий пот выступил на лбу Владимира:

– Уехала? Как? Куда?

Авдолян вздохнул:

– Ничего не знаю. Сомова позвонила мне в пятницу вечером, сказала, что пришла телеграмма от ее матери, придется ей срочно увольняться и лететь домой. Она слезно просила меня приехать в контору, чтобы приготовить необходимые документы. Заявление об увольнении уже было готово. Я предложил ей не паниковать, взять отпуск с содержанием и спокойно отправляться в родной город, однако Галя отказалась. «Допустим, я приду в контору и подпишу твое заявление, – сказал я. – Но как ты получишь расчет?» Тогда девушка предложила одолжить ей определенную сумму, а расчет переслать на адрес, который она вскоре отправит. Я так и сделал.

Гоголев сжал кулаки:

– Она не объяснила, что случилось?

– Галочка явно находилась в каком-то стрессе и ничего не хотела слушать.

Заместитель главного редактора заскрежетал зубами.

– Понятно. Диктуй адрес!

Авдолян хотел было возразить, но что-то в голосе друга заставило его выполнить просьбу:

– Охотская, восемь. Это на Матросской горе.

– Найду.

Как ошпаренный, Владимир выбежал из квартиры. Хоть бы успеть! Хоть бы она еще не уехала!.. Бешено колотилось сердце.

* * *

Один из многочисленных холмов в городе получил название «Матросская горка». В дореволюционное время этот район пользовался дурной славой. Застроенный полностью домами частного сектора, он служил прибежищем для мелких бандитов. Если в Черноморске случалась поножовщина, она обычно проходила именно на Матросской горке. Дерзкие разбойные нападения на мирных жителей, задержавшихся на работе и спешивших домой уже в сумерках, здесь вообще стали обычным явлением. Милиция знала об этом, но предпочитала обходить горку стороной. В годы перестройки на обширные участки земли – пустыри, находившиеся в центре города, – положили глаз предприниматели. Они принялись переселять старожилов района, сносить старые частные «скворечники» и рыть котлованы под новые здания. Почему потом все заглохло, не знал никто. Так и получилось, что облик Матросской горки в целом почти не изменился. Правда, появилось два продуктовых магазина, стены которых местная шпана тут же украсила безобразными рисунками граффити. Полуразрушенные частные дома зияли пустыми глазницами окон, из которых выбивались поросли вишни и сливы. Огромные ямы во время дождя наполнялись водой, и ветер разносил по округе нестерпимую вонь отбросов. Здесь до сих пор, как в средние века, хозяйки выливали помой на узкие улочки.

Владимир нечасто бывал тут и каждый раз ужасался: этот район стал бельмом на глазу чистого курортного города. Неужели городским властям совершенно наплевать на него? Сейчас, шагая по мощенной серым булыжником улице, он думал о другом: как получилось, что ему ни разу и в голову не пришло проводить Галю до ее дома? Как же по-скотски относился он к этой девушке...

Нужный дом Владимир отыскал не сразу. Металлическая табличка с указанием названия улицы и номера дома отсутствовала. Видимо, когда-то хозяйка сама намалевала цифру белой краской, но дожди и время стерли все следы. Гоголев тихонько постучал в ветхую калитку, неизвестно как державшуюся на одной ржавой петле.

– Кого еще там черт принес? – послышался недружелюбный возглас. Его явно не ждали.

Мужчина решил быть предельно вежливым.

– Пожалуйста, откройте!

– А ты кто?

– Это Охотская, восемь? Мне нужна Галя.

Калитка распахнулась, и перед ним предстала старуха в грязном засаленном халате неопределенного цвета. Фонарь рядом с домом осветил ее морщинистое злое лицо. Из-под платка выбивались космы седых волос.

– А ты Гале кто будешь?

– Друг.

Не спрашивая разрешения, он прошел на участок и замер. Одноэтажный, с кое-где облупившейся штукатуркой домик, с покосившейся трубой и выбитыми стеклами, словно сошел со страниц книг русских писателей позапрошлого века, изображавших нищету крепостных

крестьян. Рядом с ним примостилось ветхое деревянное строение, почерневшее от непогоды, с прохудившейся крышей.

«Времянка», – с ужасом подумал Владимир. Здесь столько времени ютилась его девушка. Он перевел взгляд на хозяйку. Та стояла, подбоченясь и созерцая непрошеного гостя.

– Вы позовете Галю?

Синие губы скривились.

– Ты сказал, что ее друг. Что же, не знаешь, что ее нет?

– Она уже съехала?

Выцветшие глаза пробуравили его насквозь.

– Вот именно.

– А... куда?

Она заквакала, изображая смех.

– Хороший друг!

– Я друг с ее работы. Правильнее сказать, коллега. Давно она уехала?

– Вчера утром.

– И не оставила адреса?

– Я у постояльцев этого не спрашиваю.

Гоголев понял: больше из нее ничего не вытрясешь. Он повернулся к калитке:

– До свидания.

Старуха что-то невнятно прошамкала и закрыла щеколду. Мужчина совсем упал духом. Следы Гали затерялись.

Возвращаясь домой, он пытался вспомнить, что говорила Галя о своем родном городе, и не вспомнил ни слова. Да и упоминала ли она о нем вообще? Сомова была неглупой девушкой и прекрасно видела: это не интересует ее любовника. И она не ошибалась.

Погруженный в эти грустные мысли, Владимир не заметил, как дошел до дома, механически отпер дверь, поужинал, не чувствуя голода, принял душ и лег спать. Оставалась одна единственная надежда разыскать Галину. Возможно, что-то важное припомнит Арсен или кто-нибудь из его коллег на работе. Ведь не могла же она никому не рассказывать о своих родных краях! Хотя... почему нет? Не зря ее все считали замкнутой. И все же мужчина не хотел сдаваться.

Глава 4

Издательство, в котором Владимир занимал должность заместителя главного редактора, принадлежало Арсену. Этого маленького полного армянина со жгучими черными глазами, обрамленными такими длинными ресницами, что любая женщина умерла бы от зависти, Гоголев знал уже давно. Они вместе окончили военно-политическое училище и получили назначение в Крым, в одну из флотских газет. Среди военных есть много творческих людей, иногда даже кажется, когда слушаешь их рассказы, за сюжеты которых любой известный юморист отвалил бы хорошие деньги, что они все – творческие личности. Однако это не совсем так. Рутинная работа военного журналиста мешала молодым парням воплотить на бумаге замыслы их, как им тогда казалось, гениальных творений. Но пока не было альтернативы, они исправно выполняли приказы начальства, ездили в командировки и писали нужные статьи. Оба дослужились до капитанов третьего ранга. Арсен начал свыкаться с такой жизнью и мечтал о повышении, Владимир же задыхался в редакционных стенах. В его голове крутилось множество романов, но на их написание катастрофически не хватало времени. И он страдал.

– Уволюсь, – сказал он однажды Арсену.

– Ну и дурак, – откликнулся тот. – Куда ты пойдешь?

– На вольные хлеба, – пооткровенничал приятель. – Засяду за роман, и кто знает? Возможно, осуществится моя мечта стать писателем.

Авдолян, в отличие от товарища, видел на несколько шагов вперед.

– Если ты уволишься сейчас, то получишь такую грошовую пенсию, что на нее не проживет и уважающий себя бомж, – резонно заметил он. – Станешь ли ты великим – это еще бабушка надвое сказала. А понадобятся деньги – придется трудоустроиваться. Куда же ты, повторяю, пойдешь?

– Надо подумать...

– Надумаешь – вот тогда и увольняйся.

Владимир послушал Арсена: не стал торопиться – и оказался прав. Не прошло и полугода, как приятель сам предложил ему покинуть флотскую газету.

– Мой дядя – миллионер в Ереване, – шепотом поведал он. – Я его единственный и любимый племянник! Своих отпрысков он давно усладил жить за границу, хочет помочь и мне. Короче говоря, дядя Ашот переводит мне большие деньги для открытия собственного бизнеса. Догадываешься, чем я собираюсь заняться?

Гоголев пожал плечами. Авдолян всегда был непредсказуем.

– Сдаюсь.

– Открываю частное издательство.

– Да что ты?

– Ей-богу, – поклялся армянин. – Мне тоже надоело работать на дядю или государство. Хочу поработать на себя, и тебе предлагаю сделать то же самое.

Друг задумался:

– Не окажется ли твоя затея убыточной?

– Не должна, – уверенно ответил Арсен. – Я все просчитал. Мы начнем с издания рекламных газет, будем ездить по учебным заведениям и собирать заказы на тематическую литературу. Это окупит аренду помещения и даст неплохую зарплату работникам. Кроме того, вся полиграфическая продукция в этом городишке пойдет через наши руки. Естественно, это еще не самая заветная моя мечта, – признался он.

– А какая самая заветная?

Арсен лукаво улыбнулся:

– Неужели не догадываешься? Я хочу поднять издательство – со временем, конечно, – на достойный уровень. А это невозможно без печатания художественной литературы. Признаюсь, я имею большое желание раскрутить земляков. Мало ли среди тех же крымчан талантливых писателей? Впрочем, мы охватим не только крымчан, но и все Причерноморье. Видишь, какие у меня замыслы! Завтра пишем заявления об увольнении – и в добрый путь!

Владимир послушал Арсена и до сих пор не пожалел об этом. Вот уже два года они трудились в поте лица, заказы сыпались на них, как из рога изобилия. Сначала они работали вдвоем, потом финансы позволили им нанять художников и редакторов. Кроме учебной литературы, местные писатели и поэты печатали у них свои произведения за деньги. Пока что среди всех их приятели не выделили ни одного, достойного более пристального внимания.

– Местный уровень, – давал им оценку армянин, и она вполне совпадала с оценкой Владимира. – Раскручивать некого. Нам не нужно море гонора. Нам нужно море таланта!

Гоголев соглашался, лелея в душе мечту: именно его произведение станет первым, в которое Арсен вложит деньги. И тогда он наконец сможет купить квартиру. Никто об этом не знал: он уже давно писал роман, и скоро настанет день, когда приятель его увидит. В выходные Гоголев собирался закончить, однако происшествие с Галиной затормозило работу. Сейчас он не мог думать ни о чем другом. Галю нужно было отыскать.

* * *

Как всегда, в понедельник Владимир подъехал к издательству (оно занимало несколько комнат на первом этаже жилой пятиэтажки) и направился в кабинет Арсена. Тот уже был на рабочем месте и изучал заказы.

– Привет! – поздоровался он с другом. – Опять море дел! Слушай, если так пойдет и дальше, мы позволим себе отдых на борту круизного лайнера! Кругосветку, правда, не обещаю, но по Средиземке прогуляемся.

Увидев, что лицо Гоголева при этих словах вовсе не просветлело, он добавил:

– А ты отчего такой хмурый? Неприятности в личной жизни? Галина уехала?

Владимир никогда не рассказывал другу о своих отношениях с Галей, однако стены имеют уши, и о романе Сомовой и Гоголева знало все издательство.

– Она из-за тебя умотала? Вы поссорились?

– Хуже.

Арсен встал из-за стола и плотно прикрыл дверь, наказав секретарше никого к нему не впускать.

– А ну-ка, выкладывай!

Он понимал: его другу надо выговориться, и не ошибся. Владимир и сам устал носить в себе это тяжелое бремя. Десять минут – и Авдолян был в курсе всего.

– Да... Жалко девку, – вздохнул он. – Ты бы с ней тогда помягче...

– Я хотел по-честному, – признался Гоголев.

Арсен почесал лысеющий затылок.

– Может, ты и прав. Ты бы на ней не женился, ведь так? Зачем же давать надежду зря?

Владимир хрустнул пальцами.

– Я бы узаконил ребенка. Этот вариант ее тоже устраивал. А теперь она от него избавится, и я до конца дней своих буду нести вину за убийство на своей совести.

Авдолян покачал головой:

– Аборт ты называешь убийством?

– Да. Я смотрел такой фильм! Этого нельзя допускать! Я понял, почему раньше их запрещали, и сейчас церковь против них.

Авдолян пожал плечами:

– Я так не считаю. Если хочешь знать правду, моя Карина сделала пять аборт. Когда она родила одного за другим трех пацанов, на ту зарплату, которую я имел тогда, и эту ораву мне было трудно прокормить. Сейчас-то пусть рожала бы еще, да только она сама не хочет. А несколько лет назад...

– Почему вы, взрослые люди, не предохранялись? – резонно спросил Владимир.

– Потому-то в нас и течет горячая кровь, – пошутил Арсен. – Я тебе рассказал это к тому, чтобы ты не считал себя великим грешником. Мы тоже согрешили. Но жизнь продолжается.

– Это не одно и то же, – прошептал Владимир.

– Что?

– Вы с Кариной – и Галя. Я бросил ее одну, наедине с бедой.

Авдолян принял удобную позу.

– Вот что я тебе скажу. Галя – умная, самостоятельная женщина. Уверен, она и без тебя примет правильное решение. Захочет оставить ребенка – и оставит. Может, поэтому она и поехала к родным. Нужны же ей помощники в трудное время!

– И все равно, мне необходимо ее увидеть, – Гоголев гнул свою линию. – Ты не помнишь, откуда она приехала в Черноморск?

Арсен улыбнулся:

– Никогда не интересовался.

– Но она показывала тебе копию или диплом об окончании вуза? В нем имелось название города. Ведь показывала?

Армянин покраснел:

– Показывала. Не обратил на это внимания. У нас всегда по горло работы. Вот я и торопился включить в нее нового сотрудника, и чем быстрее, тем лучше. Помнишь, я тогда работал и за отдел кадров. Быстренько состряпал дело – и вперед!

– То есть в ее личном деле я ничего не найду?

Арсен покачал головой:

– Боюсь, нет.

– А наши сотрудники?

– Пообщайся с ними, – без энтузиазма проговорил Арсен. – Хотя, по-моему, и это бесполезно. Сомова ни с кем не контактировала, кроме тебя.

– И все же я попробую.

Владимир открыл дверь и вышел в коридор. Навстречу ему, еле-еле передвигаясь на высоченных каблуках, спешила постоянно пытавшаяся скрыть свой маленький рост – хотя ей это и не очень удавалось – полненькая симпатичная Ира Савченко. Легкая улыбка всегда играла на ее пухлых губках. Увидев Гоголева, она улыбнулась еще шире, и на ее щеках заиграли очаровательные ямочки.

– Привет, Вовка! С началом рабочей недели!

Он взял ее за локоть.

– Не спешишь?

– Надо обработать один заказ.

– Но время терпит? Уделишь мне пару минут?

Она расхохоталась:

– Такому мачо? Запросто!

Девушка прислонилась к стене. Он встал рядом.

– Ты дружила с Галиной Сомовой?

Этот вопрос ее не удивил.

– Да, а почему ты спрашиваешь? Разве она тебе не говорила?

Владимир сделал вид, что не расслышал последней фразы.

– Она оставляла тебе свой адрес?

– Конечно.

– Дай мне его.

Ира смерила его взглядом.

– А ты не знаешь?

Мужчина ушел от ответа.

– Раз прошу – значит, надо.

– Ну, хорошо, он у меня в блокноте. А блокнот – на столе в кабинете.

Она круто развернулась, высота каблучков заставила ее пошатнуться, однако девушка, как корабль, упорно плывущий к цели, выровняла курс. Гоголев поспешил за ней.

В крохотном кабинете, кроме Ирины, работали еще три девушки. Они быстро кивнули заместителю главного редактора и снова уставились в экраны компьютеров.

– Вот он. – Ирина взяла маленькую книжечку в переплете под крокодиловую кожу. – Буква «С», Сомова. Охотская, восемь. Записал?

Владимир замотал головой:

– Это ее черноморский адрес. Но ведь она не местная. Откуда она приехала, Ира? Где живут ее родители?

Глаза девушки расширились.

– Вот этого я не знаю. Зачем? Впрочем, если тебе интересно, спроси у нее сам. Она придет с минуты на минуту.

Гоголев отвел взгляд в сторону.

– Не придет. Она уволилась.

Ирина ахнула. Девушки, как по команде, обернулись и уставились на них.

– Уехала? Но куда?

– Домой. В свой родной город. Мне необходимо узнать ее адрес.

Савченко обернулась к коллегам:

– Девчонки! Кто-нибудь поможет нашему Володе?

Они молчали. Гоголев сжал кулаки.

– Неужели никому не было до нее дела?! – Он почти сорвался на крик. Его коллеги недоуменно переглянулись. – Я – мужчина. Но вы – женщины... Неужели никому не было интересно, как и чем она жила? Какое равнодушие!

Он стукнул кулаком о стенку.

– В конце концов, – начала Ирина, но Владимир уже взял себя в руки.

– Извините, девчонки. Что-то у меня паршиво на душе. Значит, никто мне не поможет отыскать Галину?..

Ответ напрашивался сам собой. След его подруги затерялся в неизвестности.

Глава 5

Растерянный и злой заместитель главного редактора шел к себе в кабинет, надеясь с помощью работы отвлечься от мрачных мыслей. В коридоре он столкнулся с Арсеном. Пот градом катился по толстым щекам армянина.

– Море заказов, – выдохнул он. – В этом месяце мы неплохо подработаем. И вообще, зайди ко мне на минутку.

– Хорошо.

Авдолян толкнул дверь ногой и, проходя в кабинет, крикнул секретарше:

– Зина, два кофе!

Миловидная белобрысая Зиночка, своими слегка выпирающими передними зубками похожая на кролика, впрочем, весьма симпатичного, кивнула:

– Есть!

– Садись. – Армянин развалился в кресле. – Догадываешься, о чем пойдет разговор?

– О Галине?

Смуглое лицо сморщилось.

– А ты все о своей бабе! Что, не нашел адреса?

– Нет.

Арсен махнул рукой.

– Сама отыщется. Я вот о чем хотел побалакать. Наши писатели принесли мне два романа. Я же еще не похоронил нашу с тобой идею раскрутить какой-нибудь местный талант.

Гоголев почувствовал дрожь в коленках.

– Ты прочитал их? Как они тебе?

«Плохо, плохо», – шептал ему внутренний голос. Именно эти слова он старался внушить шефу. Ведь он, Владимир, мечтал сам стать первым! До окончания его собственного романа оставалось совсем немного. Кого, как не его, должен раскручивать друг в первую очередь? Это поможет ему решить квартирный вопрос. В ожидании ответа Гоголев так сильно сжал ладони, что хрустнули пальцы. На его счастье, Арсен ответил именно то, что его заместитель и жаждал услышать:

– Весьма посредственно. Коммерческой ценности – никакой. Это не будут покупать.

– Уверен? – для проформы спросил Владимир, ликуя в душе.

– Уверен. Ты знаешь мое чутье.

Да, Гоголев знал: у Авдоляна действительно феноменальное чутье на новые таланты. Стоило ему почитать какую-либо вещь, он безошибочно предсказывал ее судьбу. Если Авдолян определял ее как однодневку, автор потом куда-то пропал, если же друг давал рукописи высокую оценку, Владимир становился свидетелем триумфа очередного писателя или поэта. Да, Арсену можно было доверять.

– Тогда я читать их не буду, – констатировал Гоголев.

– Я тебя и не прошу. – Арсен вдруг внимательно посмотрел на Владимира. – А ты как будто и рад? Ведь рад, признавайся?

– Рад, – выдохнул Гоголев.

– Не вижу причин для такой радости. – Армянин взял в руки какую-то бумагу. – Тебе следовало бы лучше искать местные таланты. На такой литературе больших денег не заработаешь.

– Причины есть, – решил заместитель.

– Да? И какие же?

– Через несколько дней я представлю тебе свой роман, и – я уверен – ты запустишь его в печать.

– Ты пишешь роман? – удивление Арсена покорило Владимира. Ведь приятель знал, как он мечтал заняться писательством.

– Да.

Шеф пропел нечто похожее на туш:

– От души желаю, чтобы вещь была стоящая! А за меня не беспокойся. Я свое слово держу. Денежки есть. Во-первых, можно задействовать наши активы, во-вторых, этой идеей я давно заинтересовал парочку богатых предпринимателей. Они готовы спонсировать нового писателя. Дальше мы продолжим раскрутку в крупных городах Украины или России. Только уговор – мизерный процент с будущих гонораров.

– О чем речь! – согласился Владимир. – Спасибо.

Авдолян хмыкнул:

– Надеюсь, теперь ты перестанешь ныть. Пусть работа целиком поглотит тебя. Помни: Галя – взрослая девочка и сама знает, что ей нужно.

Впервые за весь этот день его слова ободрили Владимира. Если рассуждать честно, он, как творческий человек, уже мысленно возвратился к своему роману, решив на время оставить сожаление о Сомовой.

– Пойду, поработаю.

– Желаю удачи.

Гоголев помчался к себе, чтобы поскорее закончить текущую работу и приступить к своей рукописи. К его удивлению, через полчаса он все закончил. Владимир отнес документы в бухгалтерию и рванул к Арсену.

– Отпустишь меня сегодня пораньше?

Армянин что-то черкал на отпечатанных листах.

– Сегодня – да. А вообще, бери сюда свой ноутбук и твори. Мало ли зачем ты вдруг мне понадобишься?

– Хорошо, шеф.

Насвистывая какую-то веселую мелодию, Гоголев вышел из редакции и стрелой понесся домой. В голове его слагались целые абзацы и главы. Так, на чем он остановился в прошлый раз? Решающее объяснение героев. Что-то ему не понравилось тогда. Помнится, объяснение происходит на пустынном берегу моря. Надо все заменить. Но, подумав, он решил не переделывать такой большой кусок. «Море перед бурей отражает душевное состояние женщины», – констатировал Гоголев, открывая дверь квартиры. Заместитель главного редактора наскоро пообедал и сел за компьютер. Строки сами ложились на бумагу, будто кто-то невидимый подсказывал ему слова и сюжетные линии. К вечеру молодой автор написал пятнадцать страниц и решил поставить точку. Мысли по-прежнему роились у него в голове, двигали действие, но глаза сильно устали и болели.

«Будущий писатель должен беречь зрение». – Владимир решительно встал и отправился в кухню. Пустой холодильник ничуть его не огорчил. Чай и завалившийся леденец сойдут. Он был сыт духовной пищей. Отхлебывая ароматный напиток, мужчина удивился: за все это время он не вспомнил о Галине. Честно говоря, она как-то отошла на задний план. Арсен прав. Пусть женщина решает сама, как ей поступить. Если понадобится помощь с его стороны, он ее Галине окажет.

Глава 6

Прошло две недели. Гоголев целиком погрузился в свой роман. Никто на работе не докучал ему, не навязывал дополнительных заданий. Женский коллектив есть женский коллектив, и по «цыганской почте» редакцию облетела весть: заместитель главного пишет роман, который его шеф собирается раскрутить. Все ждали завершения работы над произведением и вынесения вердикта Арсена не меньше, чем сам автор. И вот последний лист украсила завершающая строчка. Гоголев распечатал свое творение на редакционном принтере и преподнес шефу.

– Готово.

Арсен подержал в руках папку с файлами.

– Объем подходящий. Остальное скажу после прочтения. Главное – не торопи меня. Быстро такие дела не делаются.

– Я все понимаю.

В этот день Владимир уходил из издательства гордый собой. Пусть его шеф еще не сказал ни да, ни нет, но первый роман уже ознаменовал собою открытие серии Гоголева. Сам он был уверен: Арсену понравится. Он любит подобные сюжеты. А пока что – автор подождет. Пусть приятель вчитается и скажет ему как можно больше комплиментов. И мужчины любят доброе слово.

* * *

К удивлению Гоголева, Арсен вызвал его к себе через два дня.

– Я прочитал твой роман. – Армянин смотрел прямо в глаза приятелю. – И скажу честно: это никуда не годится.

Владимир побагровел:

– Никуда не годится?! Я не ослышался?

Авдолян побарабанил пальцами по стеклу.

– Ты же не упадешь в обморок, как тургеневская барышня? Мы прежде всего бизнесмены и рассматриваем книгу как продукт. Твой продукт плох. Он не пойдет на рынке. Нет, десяток читателей я тебе гарантирую, однако этого мало. Мой тебе совет: издай это за свой счет и раздари нашим женщинам.

Последние слова буквально сразили автора.

– Издать? Раздарить? Ты серьезно?

На лице Авдоляна было написано: он не шутит.

– Серьезнее некуда.

Гоголев опустился на стул:

– Значит, не понравился...

– Я же сказал: никуда не годится. По правде сказать, я и не дочитал до конца.

– Что же не так?

– Во-первых, тяжеленный язык, – втолковывал Арсен своему другу, как маленькому ребенку, – во-вторых, где ты взял такой сюжет? По-моему, он для неразвитых подростков. В-третьих, все герои – просто дебилы. А ту парочку милиционеров, берущихся расследовать дело, надо отправлять в психиатрическую больницу. Ты порою залезаешь в дебри, которые никому из публики даже среднего интеллектуального уровня не будут интересны. Неужели ты не мог придумать ничего лучшего? Жизнь полна таких историй! Стоит только не торопиться и выбирать их из множества банальных случаев. У тебя еще есть время.

– Может, над ним стоит поработать? – без энтузиазма спросил Гоголев. Арсен покачал головой:

– Этот роман безнадежен, еще раз повторяю тебе. Если не хочешь издать его за свой счет и подарить нашим женщинам на Восьмое марта, тогда сожги, как Мастер, и убедишься, что далеко не все рукописи не горят.

Его ирония казалась жестокой, однако приятель не обижался. Он понимал: Авдолян отвечает за каждое свое слово, потому что отвечает и за каждую копейку.

– Начни сначала. – Армянин подошел к Владимиру и положил ему на плечо свою тяжелую руку. – Поразмысли, покумекай. И у тебя получится, если ты обладаешь талантом. А если таланта нет, выбивайся на другом поприще. Ты неплохой журналист. Я вот ничего писать и не собираюсь. Разбогатеет на другом. Наше издательство ждет большое будущее, и это говорю тебе я, Арсен Авдолян! Выше нос, дружище!

Его бодрые возгласы не улучшили настроение Гоголева. Владимир представлял себе этот день совсем не так. Он еле сдерживался, чтобы предательская слеза не выкатилась из глаз. Не хватало еще разреветься перед армянином!

– Расстроился? – участливо поинтересовался шеф.

Гоголев вздохнул:

– Вагон работы – коту под хвост.

– А как же Толстой, который переписывал «Войну и мир» восемь раз?

– Судя по всему, мне до него далеко.

Арсен ободряюще улыбнулся:

– Первый блин у многих комом. Пеки второй.

– Постараюсь...

Владимир выглядел таким расстроенным и усталым, как будто он всю ночь разгружал вагоны. Авдолян решил: сегодня его друг – не работник.

– Ступай-ка домой, – проговорил Арсен, – и хорошенько отоспись. Кто знает, может, тебе в голову придет замысел потрясающего бестселлера.

Гоголев не стал с ним спорить. Он действительно не мог больше находиться в издательстве. Распалившееся воображение рисовало ему ехидные взгляды коллег, которые пока еще не знали о судьбе романа заместителя их шефа.

– Да. Пожалуй, я пойду, – согласился он.

– Не печалься. Вспомни известных писателей и поэтов. Их самые гениальные вещи родились далеко не сразу.

Владимир на минуту вошел в кабинет, взял борсетку и отправился домой, купив по дороге бутылку водки «Абсолют». Ведь, если посмотреть с другой стороны, для него этот день во всех отношениях – знаменательный. Роман окончен и отвергнут. Гоголев доплелся до дома, пиная впереди себя, как мальчишка, пустую жестяную банку из-под пива, прогнал соседского кота, уютно расположившегося на скамейке возле подъезда, не ответил на приветствие соседки и трясущимися руками вставил ключ в замочную скважину. В этот момент ему казалось: жизнь кончена. Скоро придется расстаться с квартирой, пределом его мечтаний. А что касается замечаний Арсена... Пусть приятель сам зарабатывает на заказах! Он же хочет писать. И будет писать.

«Что, если послать роман в другое издательство?» – мелькнула мысль, однако Гоголев ее тут же отбросил. Разве он сам не думал еще недавно, что Авдолян не ошибается в оценках произведений? Во всяком случае, если его вещь – исключение, надо еще раз перечитать ее и кое-что подправить. Это немного улучшило настроение Владимира. Поставив бутылку водки в шкаф, он сделал несколько бутербродов, заварил кофе и, положив еду на огромную тарелку – подарок матери, поспешил к компьютеру. Лениво откусывая от бутербродов маленькие кусочки, он запивал их кофе и читал свое творение, с каждой строкой убеждаясь в правоте

Арсена. Да, приятель не ошибся. Как же он сам не видел этого раньше? Владимир задумал большой роман со множеством сюжетных линий, как у Сидни Шелдона, и это было его первой ошибкой. Наверное, американский писатель, прежде чем приступить к созданию очередного бестселлера, глубоко изучает ту область, о которой пойдет речь. У Гоголева на это не было времени, и он довольствовался своими знаниями журналиста и статьями в периодических изданиях – газетах и журналах. Его главный герой, политик, бывший криминальный авторитет, рвался к власти, и люди, знавшие о его прошлом, старались этого не допустить, причем их старания выглядели какими-то карикатурными. Сами эти персонажи были тупы, смешны и бездарны. Один из них напоминал звезду дешевого сериала, этакого супермена, мастера на все руки, и Гоголев пожалел, что окружение криминального политика его не прикончило еще в начале книги. Два милиционера, непонятно почему решившие помочь вывести злодеев на чистую воду, допускали такие промахи, за которые их следовало прогнать из органов, и чем скорее, тем лучше. Главная героиня, бывшая любовница политика, надеявшаяся вернуть его расположение, соблазнившая супермена, смотрелась, как дешевая проститутка, ее речи о большой любви, наконец охватившей ее, смешили, и только такой идиот, как главный герой, клюнул на нее. В общем в этом романе не было ничего хорошего. Арсен оказался прав: рукопись провальная и снисхождения не заслуживает. Что-то в ней переделать не представлялось возможным. Малейшее изменение привело бы к написанию совершенно другого романа. Владимир с наслаждением удалил файлы, содержавшие главы его неудачного творения, потом взял папку, которую ему вернул Арсен, и повторил поступок своего почти однофамильца – Николая Васильевича Гоголя. В огромной пепельнице запылали плоды его первого труда. Надо было начинать с нуля. Открыв окно, Гоголев развеял пепел по ветру, похоронив тем самым свое бездарное произведение в волнах эфира, уселся в кресло и попытался собраться с мыслями. Естественно, от писательского труда он не откажется – ни за что на свете! Приятель прав и в том, что первый блин часто бывает комом. Он просто повелся, как большинство молодых писателей, на приключенческий сюжет, однако ничего не вышло. Следовало решить, попробовать ли написать еще какую-нибудь вещь в том же духе, однако уже следя за каждым персонажем и не увлекаясь описанием полуфантастических событий, или избрать другой жанр. Внезапно ему вспомнилась Галя, но уже не как мать его будущего ребенка, а как талантливый редактор и критик. Кажется, они тогда сидели на своем любимом месте – полянке, окруженной крымскими соснами, и он рассказывал ей о замысле своей книги, а она давала ему дельные советы. Но ему тогда не хотелось ее слушать и что-то запоминать; Владимир считал, что он все делает правильно. Выходит, Сомова уже тогда заметила все эти ляпсусы. А ведь Арсен всегда хвалил ее литературный талант и даже предлагал Галине стать первой, кого он раскрутит! Галина показывала шефу написанные ею короткие рассказы, и приятель восхищался и их языком, и умением автора в маленьком по объему произведении донести до читателя глубокие мысли.

– Пиши роман, – посоветовал ей Авдолян.

– Я подумаю, – ответила Галя.

Гоголев вздохнул. Кто знает, может, окажись Галина его первым читателем, она направила бы его на правильный путь? Каким же он был недалевидным дураком! Володя вскочил с кресла и принялся бить кулаками по стене, выкрикивая:

– Идиот, идиот, идиот!!!

Его успокоила соседка, через пять минут позвонившая в дверь и пригрозившая вызвать милицию. Гоголев пообещал, что возьмет себя в руки, подул на разбитые кулаки, открыл шкаф и достал бутылку водки. В тот день он так напился, что утром не услышал звонка будильника и не пошел на работу. Авдолян несколько раз позвонил своему заместителю, убедился, что никто не отвечает, и сам поехал к нему. Владимир открыл не сразу.

– Входи, раз пришел, – наконец впустил он Арсена.

При виде приятеля – в мятых трусах, заросшего темной щетиной, неумытого и непричесанного, сильно пахнувшего перегаром, – армянин почувствовал жалость к нему.

«Наверное, слишком круто я вчера с ним обошелся», – подумал Арсен, но вслух спросил:

– Как ты?

– Как видишь, – буркнул Гоголев.

– Можно пройти в комнату?

– Милости прошу.

На столе стояла пустая бутылка из-под водки, сохли маринованные огурцы и помидоры. Брюки и рубашка Владимира валялись на полу. Запах гари свидетельствовал о том, что Гоголев выполнил шуточное пожелание Арсена.

– На тебя так подействовала критика?

– Наверное. – Владимир тяжело опустился на кровать.

Авдолян примостился рядом с ним.

– Но я же не сказал, что ты – бездарь! Просто ты увлекся дешевыми приключенческими сериалами, а подобные вещи я не собираюсь спонсировать. Их и так очень много. Мне нужен эксклюзив, мне нужно Нечто, понимаешь?

– Нет, – без энтузиазма ответил Гоголев, – не понимаю. Подскажи.

Авдолян пожал плечами:

– Если бы я знал, написал бы сам. А так – я предоставляю возможность сделать это кому-то другому, тебе, например. Тебя тянет писать, значит, ты способен создать то, что мне надо. Впрочем, пусть это будет обычный роман, какая-нибудь простая, но берущая за душу история из жизни, интересная судьба человека, неважно, мужчины или женщины. Пусть там не найдется места для супергероев, они и так уже всем набили оскомину. Хватит нам милиционеров-идиотов и девушек с внешностью богинь, но проституток в душе, и продажных политиков. Все это уже было и есть сейчас. Наше издательство должно отыскать своего читателя, понимаешь?

– Выпить хочешь? – вместо ответа процедил Владимир. – И вообще... Тебе надо было принести бутылку с собой. Разве с пустыми руками ходят в гости?

Армянин покачал головой:

– Эка тебя забрало!

Гоголев поднял брюки с пола и попытался их надеть:

– Значит, пойдем пить в забегаловку.

– Никуда мы не пойдем, – оборвал его Авдолян. – Не ожидал, что ты так быстро сдашь позиции! Хотя на тебя столько навалилось, – усилием воли он разгладил на лбу суровую складку. – Эта Галка измотала тебе все нервы. Разве тут до хорошего произведения? – Он прошелся по комнате и вдруг резко остановился: – Слушай, меня посетила прекрасная идея! Поезжай-ка куда-нибудь отдохни. Бери отпуск, тебе его оплатят. Канары не обещаю, но и в нашей стране много шикарных мест. Посидишь где-нибудь на лоне природы, совершенно один, без нашей дурацкой суетни, и, глядишь, тебе придет в голову нечто вроде шедевра. Соглашайся, а? – Авдолян положил руку на плечо Владимира.

Тот немного подумал и ответил:

– А это мысль!

– И еще какая! – поддакнул шеф. – Куда отправишься?

– На Тигровый мыс.

– На Тигровый мыс? – удивленно переспросил Арсен. – Разве там есть санаторий?

– Там – частная гостиница, – пояснил Гоголев. – Я давно мечтал съездить туда с ночевкой.

А ты предоставил мне возможность полюбоваться таким райским уголком бесплатно.

– Совершенно верно. – Директор издательства похлопал друга по спине. – А сейчас – собирайся на работу и пиши заявление об отпуске. Завтра чтобы духу твоего не было в городе!

Серебристый джип Авдоляна быстро примчал их в контору, Владимир оформил отпуск и вернулся домой, чтобы собрать спортивную сумку. Он решил не брать с собой много вещей. Во-первых, гостиница находилась в черте города, и при необходимости он мог смотаться домой. Во-вторых, заместитель главного редактора не планировал посещать дискотеки или какие-либо другие увеселительные мероприятия. Первое и лучшее место в сумке было отведено ноутбуку. Именно на Тигровом мысу, по замыслу Гоголева, должен родиться его бестселлер.

Глава 7

Тигровый мыс поражал своей первозданной красотой всех посетителей этого места. Непрístupные скалы, по цвету напоминавшие окраску тигра (конечно, надо было включить воображение, однако все сходилось во мнении, что светло-оранжевые тона четко чередуются с темными полосами на склонах), взметнули вверх остроконечные вершины. Огромное количество диких пляжей, разбросанных в окрестностях, всегда привлекало и туристов, и местных жителей. Полчаса головокружительного спуска, часто проходящего в нескольких сантиметрах от пропасти, – и ты в раю. Волны ласкают мелкую гальку, зовут окунуть в них усталое, утомленное спуском тело, и все повинуются этому зову. Вода темно-синего цвета и такая прозрачная, что на километровой глубине виден каждый камушек, каждая травинка. Если есть желание, можно доплыть до грота Артемиды – чуда, созданного природой. В белой скале – двухметровый туннель, а вода в нем не синяя, а голубая. Хорошие пловцы берут курс на находящуюся в пятистах метрах от берега скалу Святого Алексея, с вершины которой открывается такой вид, что захватывает дух.

Владимир обожал это место и часто навещался сюда летом и осенью, в бархатный сезон. Он садился в автобус и доезжал до конечной остановки, а потом, вместе с такими же любителями Тигрового мыса спускался к морю. Этот пляж назывался Алексеевским, по названию скалы, горделиво возвышавшейся в море, к нему вели семьсот ступенек, сделанных, по легенде, для самой Екатерины Второй, которая однажды посетила этот благословенный уголок природы. Правда, жители мало верили в легенду. Тучная императрица не смогла бы преодолеть спуск и подъем, уж больно тяжелым это занятие оказывалось для новичков. Ноги начинали ныть на середине спуска, и поэтому завсегдатаи Алексеевского пляжа приезжали сюда на весь день или даже с ночевкой. Подъем превращался в настоящую пытку, особенно в жару, однако энтузиастов это не останавливало. В начале девяностых одна из таких энтузиасток, директор центрального кинотеатра, оказавшись в нужное время в нужном месте, выкупила по дешевке свое убыточное детище, продала его гораздо дороже и построила почти на краю обрыва два корпуса гостиницы с названием «Тигровый мыс». Алексеевский пляж автоматически отошел этой предприимчивой даме. Надо отдать ей должное: женщина привела его в порядок, организовала контрольно-пропускной пункт, сделав бесплатный вход для своих постояльцев и платный – для всех желающих. Работники с утра до ночи наводили на нем порядок, и чистота окрестностей радовала глаз. Агрономы, выписанные ею из Никитского ботанического сада, превратили спуск со ступеньками в самый настоящий парк Южного побережья. Спуск и подъем уже не казались такими утомительными. Через каждые двадцать метров усталого путника поджидали скамеечки под кипарисами и туями. Журчали родники, воздух, вобравший в себя все богатство целебных запахов, пьянил. В маленьких декоративных озерах резвились золотистые рыбки. В общем хозяйка задалась целью облагородить принадлежащую ей землю, и это у нее получилось. Бизнес бывшего директора кинотеатра процветал, гостиничный комплекс никогда не пустовал. Владимиру с огромным трудом, прибегнув к помощи Арсена, удалось купить себе путевку. Одноместный номер стоил достаточно дорого, однако никто на цены не жаловался. Он включал в себя ванну и санузел, телевизор и видеоплеер, мягкую кровать, стол, тумбочку, шкаф и несколько стульев, а маленький балкончик вмещал шезлонг, лежа в котором Гоголев и собирался писать свой шедевр.

Прибыв вечером на Тигровый мыс, Владимир не сомневался: теперь работа будет спориться. Море и горы вдохновляли всех великих людей. Он разобрал сумку, бережно поставил ноутбук на стол, развесил в шкафу рубашки и джинсы, облачился в шорты и футболку и, перекинув через плечо полотенце, побежал на пляж. Спуск и подъем его не пугали. Он с радостью вдыхал неповторимый воздух и наслаждался красотой окружающей природы. «Если это

не рай, – думал заместитель главного редактора, – то что-то очень близкое к нему». На пляже он бросил на гальку шорты и поплыл к скале. Море ласкало его, снимая усталость и облегчая душевную боль. Взобравшись на заросший морской травой камень, он смотрел, как белые чайки плавно парят над тихой водой, изредка хватая зазевавшуюся рыбежку. Как хорошо и как спокойно было вокруг! Почувствовав, что замерзает (июньские ночи еще холодны), он прыгнул в воду и поплыл назад. Ему казалось: он получил такой заряд энергии, что его хватит до конца лета. Нет, здесь у него непременно родится прекрасный роман! Надо только успокоиться, не пороть горячку и ждать.

– Это ваши вещи? – Гоголев уже шел к месту, где оставил одежду, думая о своем, и тут какая-то женщина бесцеремонно вклинулась своим вопросом в течение его мыслей.

– Да, а в чем дело? – окрысился он и поднял к ней лицо, по которому стекали капли морской воды. Они мешали ему разглядеть незнакомку, нарушившую его уединение. Дама не растерялась:

– Я отдыхала неподалеку и решила посторожить ваши доспехи, – усмехнулась она. – У вас в кармане шорт постоянно звонит мобильный, а по берегу бродит самая разная публика. Вы же не ручаетесь, что все они честны, как Карл Маркс?

Гоголев хлопнул себя по мокрым волосам. Телефон, черт возьми! Как он мог взять его с собой! Ведь оставил же портмоне в гостинице!

– Большое вам спасибо, – улыбнулся он. – Извините за грубость.

– Проехали. – Женщина развернулась и пошла к подъему.

Светившее прямо в глаза солнце помешало ему разглядеть ее лицо, и Гоголев не успел определить возраст дамы. Впрочем, возможно, это ему и в противном случае не удалось бы. Незнакомка была в шляпе с широкими полями и в огромных солнцезащитных очках. А вот фигура ее пришлась бы по вкусу самому строгому ценителю женской красоты. Высокий рост, стройные длинные ноги (их почти не скрывала длинная полупрозрачная юбка), узкие бедра, широкие плечи. Владимир не собирался знакомиться с женщинами, однако к этой даме он сразу почувствовал интерес. Кто она такая? Откуда приехала и с кем? Он хотел было догнать ее и поблагодарить, однако незнакомка быстро поднималась по ступенькам, словно не желая, чтобы кто-нибудь присоединился к ней.

«А в конце концов, какое мне до нее дело!» – решил Владимир и замедлил шаги. Когда он добрался до гостиницы, полная хозяйка любезно созывала всех на ужин, оказавшийся превосходным.

* * *

Надышавшись свежим морским воздухом, Владимир в эту ночь спал так крепко, как ему давно уже не удавалось. Тревожные мысли испарились, как капли морской воды на коже под палящими лучами солнца. Утром он встал бодрым, отдохнувшим и сразу вышел на балкон, вдыхая воздух полной грудью. Капельки росы алмазами сверкали на кустах можжевельника, на светло-зеленых стеблях камыша, на еще не раскрывшихся голубых цветах цикория. Спокойное ровное море искрилось золотистыми бликами. Ровные дорожки теплого течения заметными полосами пересекали водную гладь. Владимир зевнул и потянулся. Какая благодать!

Часы показывали ровно шесть. До завтрака оставалась еще уйма времени, и Гоголев открыл ноутбук, намереваясь начать новый роман. Итак, о чем же он будет? В нем, несомненно, воплотится все, о чем ему говорил Арсен. Владимир напрягся и принялся мучительно размышлять. С каждой минутой его лицо становилось все мрачнее и мрачнее. В голову ничего не приходило, ни единая зацепка не посетила воображение молодого писателя. Благодушное настроение Гоголева постепенно сменялось досадой и горечью. Он не может написать ни строчки! Неужели он – бездарь?

Промаявшись таким образом полтора часа подряд, Владимир со злостью захлопнул крышку ноутбука и стал собираться на завтрак. Надо же! За столько времени чистый лист в окне не испортило даже заглавие! Он снова вышел на балкон, чтобы снять с веревки высохшие полотенца и плавки, и опять взглянул на море. Природа действовала на него, как успокоительное лекарство. Пессимистический настрой вновь сменился оптимизмом. Гоголев вспомнил, что сказал Авдолян, отправляя его сюда. Нужно, мол, подлечить нервную систему, и тогда все пойдет как по маслу. А он не пробыл здесь и дня! Это слишком маленький срок. Нет, все еще впереди. Нужно просто плыть по течению, и вдохновение придет само. Гоголев подошел к зеркалу, провел расческой по растрепавшимся за ночь волосам и стал собираться на завтрак.

Глава 8

Хозяйка гостиницы, Кристина Рудольфовна Штрек, держала прекрасных поваров, ублажавших желудки клиентов разнообразными вкусными блюдами. Порции поражали своими огромными размерами. Наверное, женщина знала: свежий воздух возбуждает аппетит. Наевшись до отвала, Гоголев отправился на пляж и провел там три часа. Солнце палило нещадно. Отдыхающие прятались в тени кустов, под огромными зонтами и тентами. Заместитель главного редактора не запасся ни одним из этих предметов, и скоро его кожа запеклась, как будто ему поставили горчичники на длительное время. Владимир еще раз окунулся и стал подниматься по ступенькам. Ноги, натруженные еще вчера, сильно болели, пот градом катился по его лицу. Преодолев четыре пролета, он привалился к стволу каштана, ржавого от жары, и радостно вскрикнул. В зарослях старого миндаля и густых кустах отцветшей еще в мае сирени пряталась скамеечка. Вот где передохнет его усталое тело! Володя решительно направился к ней и вдруг резко остановился. На краю деревянной лавочки, уже облюбованной им, сидела женщина и читала книгу. Гоголев заскрежетал зубами. Он ни с кем не собирался делить свой отдых!

«Подняться выше?» – мелькнула мысль. Наверное, Владимир так бы и поступил, однако ноги уже не слушались и против воли понесли его к исцарапанной ножом скамейке. Бросив недобрый взгляд на незнакомку, на мгновение оторвавшуюся от чтения, он присел рядом и уставился на море.

– А я думала, вы все-таки поздороваетесь, – послышался мягкий голос.

Владимир обернулся. Дама ласково улыбалась ему.

– А мы знакомы? – буркнул мужчина.

– Вчера я спасла ваш мобильный. Надеюсь, в ваших карманах было хоть немного денег, тогда у меня на душе станет еще радостнее, – не растерявшись, ответила она.

– Ах, это вы!

Теперь Гоголев мог разглядеть ее лицо. В отличие от фигуры, оно не было привлекательным и не вызывало желания познакомиться с дамой. Красивым был разве что мягкий овал этого лица, приятно поражающий своей приятной округлостью, однако все портили рыжие веснушки, как семена пшеницы, усеявшие белую кожу, уже успевшую облупиться, короткий вздернутый нос с розовым кончиком, узкие маленькие глаза цвета меда и тонкие губы. Из-под пестрого платка, которым его новая знакомая повязала голову, выбивались светлые волосы. Владимир дал ей лет сорок, хотя, возможно, дама просто прекрасно выглядела. Ухоженные ногти с французским маникюром и причудливой росписью – и на руках, и ногах – удивляли. Зачем тратить на это деньги, если ты отправилась вовсе не на европейский курорт?

– Кажется, я вчера забыл вас поблагодарить, – наконец решился Владимир. – Кто знает, что бы стало с моим телефоном, если бы не ваша бдительность. Вы тоже отдыхаете в гостинице «Тигровый мыс»?

– Да. – Она обнажила в улыбке прекрасные зубы – хорошую работу частного стоматолога. – Меня зовут Диана. А вас?

– Меня – Владимир.

Диана поправила платок.

– Вы, конечно, живете у моря.

– Почему вы так решили?

Она тут же ответила:

– Вы прекрасно плаваете. Так я не ошиблась?

– Нет, – усмехнулся он. – Я житель этого города.

– И отдыхаете в его пределах?

Гоголев пожал плечами:

– Что поделаешь! Я люблю это место!

Диана кивнула:

– Место действительно потрясающее. Однажды я приехала сюда по делам и влюбилась в Тигровый мыс. Теперь каждое лето здесь отдыхаю, хотя у меня достаточно денег, чтобы уединиться на каком-нибудь острове. – Женщина закрыла книгу и отложила ее в сторону. Гоголев понял: ей хотелось поговорить, и странно: он испытывал то же желание, хотя еще минуту назад готов был придушить любого, кто нарушил бы его уединение.

– А вы откуда приехали? – с интересом спросил заместитель главного редактора.

Она махнула рукой:

– Из маленького городка в средней полосе России. Его не отыщешь на карте, и вы наверняка о нем не слышали. Ничего примечательного.

– Почему же вы там живете?

Диана хмыкнула:

– Это вы о моих деньгах? Да, я могу переехать хоть на Канары, однако это мой родной город, и мне там нравится. У меня небольшая, но прекрасно обставленная квартира, дачу я намеренно не покупаю (на ней некому работать, а наемным работникам я не доверяю). Еще у меня свой бизнес, хорошо налаженный, есть друзья и товарищи. Поверьте, богатый человек не всегда живет в царских хоробах на райских островах.

– Понятно. – И Владимир задал вопрос, вертевшийся у него на языке: – Вы живете одна? Без мужа?

Она расхохоталась:

– В самую точку! Я три раза была замужем. От первого супруга, военного, у меня остались воспоминания о Дальнем Востоке. Он служил на флоте, а познакомились мы в нашем городишке. Муж приехал в гости к товарищу в отпуск, увидел меня в магазине – и влюбился. Мне казалось, что я тоже не осталась к нему равнодушной. Когда он уехал, письма от него приходили чуть ли не каждый день. А потом я окончила техникум, он – военное училище, и мы сыграли свадьбу. Так я оказалась на Дальнем Востоке, в поселке Шкотово. Сначала все шло хорошо, потом грянула перестройка, в армии и на флоте пошли сокращения. Муж сразу уволился, сказав, что займется бизнесом, – женщина горько усмехнулась. – В результате, бизнесом занялась я, а он лежал на диване и разглагольствовал о том, как трудно порядочным людям найти себя в новой жизни. Наконец его нытье мне надоело. Проще сказать, я устала тащить его на себе. Во Владивостоке у меня был маленький магазинчик с обувью, я переехала туда, подала на развод и сняла квартиру. Там и состоялось знакомство с моим вторым мужем – штурманом дальнего плавания. Он ворвался в мою жизнь, как ураган, осыпая меня подарками и деньгами. Я уже забыла о таком отношении к себе и согласилась расписаться с ним, – уголки ее рта скривились. – И это было ошибкой. Он оказался неплохим человеком, но пил запоем. Я все ждала, когда его спишут на берег, и с ужасом думала, как останусь вдвоем с хроническим алкоголиком. Однако судьба распорядилась иначе. В Африке он заболел малярией и умер. Я решила: Дальний Восток приносит мне одни несчастья, вернулась в родной город и на все деньги, которые у меня были, купила маленький обувной магазин. Поставщикам я заказывала только дорогую и качественную продукцию, у меня появились постоянные клиенты, и я открыла второй магазин. Тут-то и появился в моей жизни третий муж – предприниматель, неплохой человек, умерший не своей смертью в лихие девяностые. Теперь я – богатая вдова. Деньги у меня есть, поклонники тоже, да только я не тороплюсь замуж. Пока что одиночество мне еще не наскучило. – Диана пристально посмотрела на Владимира. – А вы женаты?

– Нет.

– Ну, вы еще совсем молодой. Сколько вам лет?

– Тридцать один.

– А мне – сорок два. Большая же между нами разница! – Она лукаво ему подмигнула. – Это я пошутила. У меня и в мыслях нет кадрить вас.

Оба рассмеялись. Разговаривая с этой женщиной, Гоголев не ощущал, как летело время. Они проморгали обед, но не беспокоились об этом, так как знали: Кристина Рудольфовна всегда кормила опоздавших.

– Что вы делаете после обеда? – поинтересовался Владимир у своей новой знакомой.

– Я собиралась посетить одну прекрасную бухточку, – ответила Диана. – В прошлом году я впервые побывала там. С обрыва открывается потрясающий вид, однако спуститься туда невозможно, и, наверное, это хорошо. Никто не испортит первозданную природу своим присутствием. Наши туристы, к сожалению, еще не научились что-либо создавать, они только разрушают.

– Я с удовольствием составлю вам компанию, – обрадовался Гоголев. С этой женщиной ему было легко и интересно.

– Тогда встречаемся возле теннисных кортов, в три часа.

Владимир быстро расправился с обедом, принял душ и вскоре уже был на условленном месте. Диана не заставила себя ждать. В белых шортах и мужской белой рубашке она выглядела потрясающе.

– Идемте. Здесь недалеко.

Они пошли вдоль обрыва, вспоминая забавные случаи из своих биографий, и через полчаса женщина остановила его.

– Кажется, это здесь.

Она так близко подошла к краю обрыва, что Владимир испугался и крикнул:

– Осторожно!

Диана обернулась. На ее губах играла легкая улыбка:

– Не бойтесь! Идите сюда. Вы только взгляните, какая красота!

Гоголев послушно подошел к ней. То, что открылось его взору, представляло собою неземную картину. Оказывается, рай был здесь. Белый песок покрывал кромку берега. Голубая вода восхищала и удивляла своей прозрачностью. Именно такие местечки показывают в рекламных роликах. Заместитель главного редактора не удержался от возгласа:

– Какая прелесть!

– Вот видите!

Он подошел еще ближе к краю.

– Вы правы. Туда нельзя спуститься.

Отвесные скалы без намека на хоть какой-нибудь спуск защищали это место от вторжения посторонних.

– Вам хотелось бы побывать там? – спросила Диана.

– Конечно. Но это невозможно.

Она усмехнулась:

– Нет ничего невозможного. Вчера утром я выезжала в город и договорилась с владельцем моторной лодки. Через три дня он будет готов отвезти меня туда. Поедете?

– Спрашиваете! Будет здорово! – Рядом с этой женщиной Владимиру начинало казаться: депрессия отступает, и скоро он приступит к созданию романа. – Знаете, я ведь давно живу в этих краях, облазил все побережье, но ни разу не видел этой чудесной бухты. Как вы ее нашли?

Диана с готовностью пояснила:

– Так всегда и бывает. Местные никогда не исследуют все окрестности, потому что считают: у них еще будет на это время. А приезжие только этим и занимаются. – Она вдруг стала серьезной и добавила: – Вы когда-нибудь задумывались о том, как и где вы хотели бы умереть?

Гоголева покоробил этот неуместный вопрос:

– Вы же сами говорили: я еще слишком молод.

Она махнула рукой:

– Я тоже еще не старая. И все-таки, мне хотелось бы, чтобы после моей смерти меня кремировали, а прах развеяли над бухтой. Правда, чудесно?

Владимир так не считал.

– Подумаете об этом лет в девяносто.

Она почувствовала его настроение.

– Договорились! Давайте пойдем на Алексеевский пляж? Очень жарко, и хочется искупаться.

Он не стал возражать:

– Пойдемте. Огромное вам спасибо за то, что открыли мне этот дивный уголок.

– Пожалуйста. – Новая знакомая посмотрела на него своими медовыми глазами. – Я все рассказала о себе. А вы чем занимаетесь?

Гоголев собирался ответить, но его ослепила вспышка аппарата. Он чертыхнулся и осмотрелся по сторонам:

– Кто это нас снимает?

В зарослях серебристого лоха что-то зашуршало. Невидимый фотограф явно желал остаться непойманым. Владимиру это не понравилось:

– Не прячьтесь! Попросите нас как следует, и мы с удовольствием попозируем вам.

Диана потянула его за локоть.

– Вы не ответили...

– Подождите, – отмахнулся он. – Мне совсем не нравится, что кто-то фотографирует нас из-за кустов! Зачем это ему понадобилось?

Лицо Дианы выражало полную беззаботность.

– Да какая нам разница? Я не замужем, и поэтому ни один, даже самый отвратительный снимок, меня не скомпрометирует. Может, вы женаты? Тогда нам не следует вдвоем бродить по окрестностям.

– Я не женат.

Она подмигнула ему:

– Тогда чего же вы боитесь? Мы просто гуляли по краю обрыва. Если кому-то понравился пейзаж – с нами обоими в виде дополнения, – это его право – снимать.

Гоголев задумался. Он не мог не признать: в ее словах есть логика, однако тревога почему-то не оставляла его.

– Давайте прибавим шагу, – посоветовал он.

Спутница не возражала.

– Так вы ответите на мой вопрос? Чем занимаетесь вы?

– Охотно. Я заместитель главного редактора издательства. – Заметив удивление в ее медовых глазах, он поспешил добавить: – Это не то, что вы думаете, издательство принадлежит моему другу, а он далеко не миллионер, и поэтому мы занимаемся заказами вузов на публикацию научной литературы и выполняем различные полиграфические услуги. – Он помолчал и добавил: – Правда, у моего друга давно родилась идея – раскрутить какого-нибудь местного автора, но пока что из этого ничего не получается.

Диана пристально посмотрела на своего спутника.

– А вы сами не пробовали писать?

Гоголев вздрогнул. Она попала в самую точку, нащупала его больное место.

– Да, – неохотно признался заместитель главного редактора. – Я ужасно хочу стать первым автором, чье произведение опубликует мой приятель!

– И вы уже что-нибудь написали?

Владимир хотел солгать, но не смог.

– Да, но получилось не слишком хорошо. Арсен (так зовут моего шефа) сказал, что мне надо еще много работать.

Женщина хлопнула в ладоши.

– Представляете, а я ведь тоже писательница и тоже – не слишком удачливая, потому что моих произведений еще никто не видел!

Настал черед Гоголева удивляться.

– Вы тоже пишете?!

– У меня есть несколько романов, – призналась женщина, – но я их никому не показывала.

– Почему?

– Да потому, что еще не встретила профессионала, – призналась она. – Вы – первый. Станете моим критиком? Одно свое произведение я распечатала и собиралась перечитать, прежде чем послать его в издательство. Посмотрите?

Он выругался про себя. Ему до смерти не хотелось именно сейчас читать работу какого-нибудь зеленого автора, особенно – женщины. Гоголев терпеть не мог дамских романов. Однако отказать своей новой знакомой он не решился.

– Согласен. Принесите мне его после обеда.

– С удовольствием.

Они уже подходили к первой ступеньке пляжного спуска. Какой-то мужчина в джинсовых шортах, с голым мускулистым торсом, без кепки, попытался обогнать их и нечаянно толкнул Диану.

– Осторожно! – Женщина пошатнулась и чуть не упала, но Владимир вовремя схватил ее за локоть.

Незнакомец и не подумал извиниться. Он бросил сердитый взгляд на Диану, и Гоголева поразили его холодные серые глаза.

– Сумасшедший! – Он все еще поддерживал свою спутницу. – Можно подумать, он на поезд опаздывает... – Гоголев вдруг осекся.

Лицо Дианы менялось на глазах. Под розовым загаром проступила бледность, губы ее дрожали, на лбу выступила испарина.

– Что с вами? Вам плохо? – участливо спросил он.

Диана оттолкнула его руку и присела на ступеньку, не заботясь о чистоте своих белоснежных шорт. Ее сотрясала крупная дрожь. Она явно испугалась, но кого или чего?

– Вы знаете этого человека? – поинтересовался Гоголев.

Несколько секунд прошло в полном молчании, прежде чем Диана выговорила:

– Нет, я никого не знаю. Мне просто вдруг стало плохо. Наверное, я перегрелась на солнце. – Она встала и повернулась лицом к гостинице. – Вы идите вперед, а я пойду к себе и прилягу. После обеда я занесу роман в ваш номер.

Он не стал ей перечить:

– Хорошо, хорошо...

Пошатываясь, она побрела к корпусам, а Владимир продолжил спуск.

В тот день он недолго пробыл на пляже. Купаться в одиночестве ему не хотелось, хотя еще вчера он мечтал об этом. Гоголев осмотрел пляж в поисках мужчины, чье появление явно испугало его новую знакомую, однако его нигде не было видно. Либо он сбросил одежду и поплыл к скале, либо зашел в один из нескольких баров, прилепившихся к скале вдоль знаменитой лестницы.

«Но почему она кого-то боится? – рассуждал про себя Гоголев. – Сама ведь говорила, что не замужем. Может, у нее неприятности в бизнесе?»

Он решил не дожидаться обеда, а зайти к Диане и справиться о ее здоровье. Быстро поднявшись наверх (ноги его уже начали привыкать к такой нагрузке), он прошел через холл,

поднялся на второй этаж и постучал в дверь ее номера. Испуганный, дрожащий голос Дианы поразил его:

– Кто там?

– Это Гоголев, – откликнулся мужчина. – Открывайте без страха. Я пришел за романом.

– Минутку. – Она еще немного помедлила, как бы раздумывая, но все же распахнула дверь. – Вы никого не видели в коридоре?

– Нет, а почему вы спрашиваете?

– Просто интересуюсь.

Что-то подсказывало ему: это не обычный интерес. Его предположения оказались верными. Диана боялась мужчину в джинсовых шортах.

– И все-таки в вашем поведении чувствуется беспокойство. – Он попытался вывести ее на откровенность, однако ничего из этого не получилось. Она оставалась незыблемой, как скалы Тигрового мыса.

– Вам показалось. Просто я перегрелась на солнце. – Она взяла со столика ярко-красную папку. – Вот мое творение. Не судите строго. Я ведь только начинаю, и все же, – Диана выдавила улыбку, – прошу вас быть откровенным. Все свои замечания напишите на бумаге или выскажите их мне прямо в лицо. Никаких обид с моей стороны не будет, ничего, кроме благодарности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.